

и мелкого индивидуального хозяйства непосредственных производителей-крестьян с огромным разнообразием конкретно-исторических проявлений, при которых и ленные связи, и иерархическая структура господствующего класса отнюдь не являются общеобязательными характеристиками.

Книга профессора Болонского университета А. Кариле не претендует на такую же полноту охвата, как книга Шрайнера. Явное предпочтение Кариле отдает византийской Италии, уяснению роли городов и областей Адриатики (прежде всего — Венеции) в истории Византии. По сути дела, это первое введение в историю Византии, где эта история представлена в ее локальном варианте, но в органичной связи с общими процессами, протекавшими в империи ромеев, и с событиями, разворачивавшимися во всем Средиземноморье. Не случайно, что книгу сопровождает детальный хронологический указатель, составленный А. Кариле и А. Пертузи и занимающий почти 70 страниц текста (р. 239—302). Кариле знакомит читателя прежде всего с результатами исследований одной из византиноведческих школ, к которой принадлежит. Его книга тесно связана с проблематикой трудов самого автора; некоторые из его статей целиком воспроизведены в монографии (см. р. 6).

Основное внимание А. Кариле уделено проблемам перехода от античности к средневековью в Византии и Италии, истории Равеннского экзархата, возникновения Венецианской республике, роли Адриатического региона в политике Комнинов, Латинской империи, связям Италии и

Греции после 1453 г. Вторая часть его книги названа «Фискальная система и аграрное законодательство». Но в ней содержатся лишь переводы отрывков из источников (налогового устава, новелл императоров Македонской династии), без какого-либо пространного комментария. Такой подход, может быть, обусловлен замыслом использовать книгу как учебное пособие для студентов университетов. Той же цели могут служить собранные в небольшую антологию в конце книги отрывки из сочинений византийских историков, а также хрисовул 1052 г. и договор марта 1204 г. крестоносцев о разделе Византии.

В книге Кариле высказано суждение об абсолютной и изначально нетолерантности венецианцев и генуэзцев (после установления их власти над греческими землями) к культурной и религиозной автономности греков (р. 173). Однако многие исследования, предпринятые в последние годы, показывают большую пестроту и разнообразие вариантов осуществления политического и идеологического контроля со стороны итальянских морских республик над территориями, управляемыми ими. При этом очевиден прагматизм венецианцев и генуэзцев, их стремление нередко идти на компромиссы с местным населением ради упрочения своих позиций, особенно там, где «латиняне» находились в явном меньшинстве⁴.

Два варианта подхода к составлению «Введения в византиноведение» демонстрируют широкие возможности освещения этой темы как на общевизантийском, так и на региональном материале.

С. П. Карпов

Ф и х м а н И. Ф. Введение в документальную папирологию. М., 1987. 522 с.

Работа известного советского историка, крупного специалиста в области папирологии, автора широко известных монографий¹, а также нескольких десятков статей по различным проблемам папирологической науки, посвящена всестороннему рассмотрению проблем мировой документальной папирологии, ее становлению и современному состоянию. Книга является плодом всей многолетней творческой деятельности автора, поражает широтой охвата проблематики и историографического материала, а также своеобразием его организации. В сущности, хорошо изданный и достаточно увесистый том (40 печ. листов!), две трети которого приходится на научный аппарат (подстрочные примечания со ссылками на работы исследователей, название которых усечено до имени автора и года издания; список полных названий тех же работ, занявший с. 265—484, т. е. более половины объема книги; различного рода

приложения, в частности указатель русских переводов документальных папирусов, опубликованных в советских изданиях, указатель справочных изданий, предметный указатель, addenda, резюме на французском языке, карта Египта в греко-римское время), не рассчитан на чтение как таковое. Но зато в этом томе, несмотря на «трудности с комплектованием наших библиотек, не поспевающим за резким ростом папирологической литературы», и благодаря трудолюбию и энергии автора, суммировано «все, что было сделано в области документальной папирологии всеми специалистами, независимо от места работы и языка публикации» (с. 3). Тем самым книга представляет собою бесценный справочник по современной документальной папирологии, действительно является «Введением» в нее.

Большое внимание в книге уделено вопросам общей папирологии (в том

⁴ См., например: *Airaldi G. Genova e la Liguria nel Medioevo*. Torino, 1986, esp. P. 41—44; *Pistarino G. Genova e i Genovesi nel Mar Nero (secc. XII—XV)* // *Bulgaria Pontica*. Sofia, 1988. Vol. II. P. 27—85; *Thiriet F. Recherches sur le nombre des «Latins» immigrés en Romanie gréco-vénitienne aux XIIIe—XIVe ss.* // *Byzance et les Slaves: Etudes de Civilisation*. Mélanges I. Dujcev. P. 421—436.

¹ См.: *Фихман И. Ф.* Египет на рубеже двух эпох: Ремесленники и ремесленный труд в IV—середине VII в. М., 1965; *Он же.* Оксирих — город папирусов. М., 1976.

числе и литературной), предмету папирологии, истории этой научной дисциплины, ее дроблению и вычленению из ее недр документальной папирологии. Приводятся необходимые сведения о технологии изготовления папирусов, об их реставрации и консервации, об изготовлении папирусных свитков, о разных системах расположения текста, о палеографии, грамматике и лексикологии папирусов, о принципах публикации текстов, составления публикационных серий, библиографий, словарей, руководств, хрестоматий. Рассматриваются новые методики обработки текстов, новые направления, дискуссионные проблемы, причем все это с учетом самой новейшей литературы. Особо освещается вклад советских исследователей в папирологию (с приведением исчерпывающей библиографии) и развитие ее в социалистических странах.

Внимание автора книги равномерно распределяется на папирологию, занимающуюся как эллинистическим (птолемеевским) и римским, так и византийским Египтом. В связи с этим специальная глава (пятая) посвящена истории Египта на протяжении всех этих периодов, разумеется, через призму папирусов как исторических источников. Рассмотрены география Египта, население, события политической истории, административно-правовое устройство, внутренняя политика, данные о налоговой системе, о профессиональных корпорациях, о ценах, торговле, об армии, о землевладении, о жречестве и христианском клире, о формах зависимости и аренды, о судьбах рабства и колоната и т. д.

Естественно, что особый интерес для нас представляют те разделы главы, которые посвящены византийскому Египту. Отмечается, что если переход от птолемеевского Египта к римскому четко определен (30 г. н. э.), так как был следствием иноземного завоевания, смены династий и утери государственной самостоятельности, то переход от римского к византийскому был постепенным и определялся политическими и социально-экономическими изменениями в империи в целом и в Египте в частности. По мнению И. Ф. Фихмана, уже в IV в. Египет по своей социально-экономической структуре (а он ее определяет как «несомненно» приобретшую «феодальные черты») и в связи с непосредственной подчиненностью Восточной Римской империи относится к византийской истории; началом же этого периода автор определяет условную дату — 284 г., т. е. год воцарения Диоклетиана (с. 162, 163, 170).

Чрезвычайно концептивно намечены «глубочайшие изменения» и «коренные преобразования» в административной (унификация и романизация имперских служб), экономической (превращение царской и других общественных категорий земли в полную частную собственность, рост и укрепление крупного светского и церковного землевладения; патроциний как одна из причин этого процесса) и социальной (оформление колоната, утрата значения рабством) структурах страны. Важ-

но еще раз подчеркнуть, что все эти темы не рассматриваются в книге сами по себе, они лишь обозначены с тем, в сущности, чтобы к ним можно было «привязать» весьма пространные сноски с указанием всей наличной литературы по данному вопросу. Именно поэтому, я полагаю, нет смысла здесь останавливаться на них подробно.

Зато весьма содержательной представляется последняя (шестая) глава монографии, посвященная «папирологической документации». В ней рассмотрены такие проблемы, как понятие документа, в частности папирусного; определение оригинала (подлинника), дубликата, копии; классификация документов по разным критериям и в том числе по характеру оформления (публичные, частные, письма); организация документальных египетских архивов; нотариат и т. д. Подчеркнуто значение формуляра в определении того или иного типа документов, отмечены основные признаки и назначение таких их видов, как нотариальная синграфы и синграфы hexamartyros («документ с шестью свидетелями»), судебнотариальный документ — сиххоресис, банковская диаграфа, ипомнима, хирографон и др. Особое внимание в книге уделено документам византийского периода, когда происходит «коренная ломка» в практике их составления и хранения, когда появляется новый тип документа, называемый Tabellionen-Urkunde, поскольку его составлением занимался нотариус-табеллион (в папирусах он обозначался также терминами символеограф, синаллагматограф, номик, нотариос). Обязанности нотариусов, осуществлявших в юстиниановское время деятельность на основе концессии, и правила, которые им следовало соблюдать, известны из Кодекса Юстиниана и его Новелл, но, как констатирует И. Ф. Фихман на основании показаний папирусных документов, большинство предьявленных законодательством требований учитывалось еще до издания предписаний, другими словами, законодательство в основном систематизировало и осыатило существовавшую практику (с. 225).

В то же время хотелось бы пожелать автору обратить большее внимание на связь «документальной папирологии» с такой вспомогательной исторической дисциплиной, как дипломатика. О последней в книге даже не упоминается, а между тем актовая папирология или, вернее, дипломатика папирусного акта — гораздо более уместное понятие, чем, скажем, «юридическая папирология», которым пользуются автор книги и его предшественники. Не представляются вполне корректными и критерии деления папирусных документов на публичные и частные, когда «имеются в виду не документы, исходящие от государственной администрации или адресованные ей, с одной стороны, и документы, касающиеся частных лиц, — с другой, а документы, составленные частными лицами, но при участии официально уполномоченного лица (например, нотариуса) или зарегистрированные в официальных архивах (иногда

сданные на хранение туда), и документы, составленные частными лицами без действия (участия) нотариальных и иных инстанций» (с. 219, 220). Не излагая здесь принципы «моей» классификации актов на публичные и частные², отмечу лишь, что от того, составлен ли и заверен ли частный акт нотариусом, и от того, зарегистрирован ли он в официальном архиве, получая тем самым некоторые свойства официального документа, или писан самим «автором» акта или каким-либо «писцом», не обладавшим квалификацией нотариуса, сам тип акта — как частного, — на мой взгляд, не меняется.

Хотелось бы также большей точности в использовании терминологии. Например, *absolutio*, которая означает «отпуск» документа, никак не может означать его «совершения» (с. 226, примеч. 52), так как эту функцию выполняла нотариальная *completio*; соответственно греческий термин *teleiosis* не может служить эквивалентом латинской *completio* (с. 227), — это именно *absolutio*. Группу документов, обозначавшихся термином *arographai*, вряд ли можно называть «донесениями» (с. 235); это конечно же «копии», о чем говорит сама этимология термина, вся история его употребления, да и контекст, в котором он встречается в данной книге. Неудачными представляются обозначение диспозитивной клаузулы хиро-

графа словами «констатационная часть» (с. 224), словосочетание «документы заключались в Александрии» (с. 221), и т. д. По-видимому, ошибкой следует считать утверждение, что почти на всех текстах «ипомнимы» (т. е. частного акта, стилизованного в субъективной форме) имеется «подпись адресата» (с. 223); речь, очевидно, идет о подписи самого автора акта. В книге встречаются досадные опечатки (чего стоит, например, двойное воспроизведение примечания 90 на с. 233, которое, видимо, по соображению типографов, должно компенсировать отсутствие примеч. 89). Жаль также, что типография не сумела обеспечить набор греческого текста, который почти целиком заменен латинской транскрипцией, что нельзя не квалифицировать как явный провинциализм, не зависящий, впрочем, от воли автора.

В целом же работа И. Ф. Фихмана, в которой сосредоточено и резюмировано все, что выработано мировой папирологией за 100 с лишним лет ее существования, является крупным достижением нашей науки и, без сомнения, станет настольным справочным пособием для широкого круга научных работников — историков, филологов, специалистов по праву и по дипломатике, на которых она и рассчитана.

И. П. Медведев

Н е н д у М. F. *Studies in the Byzantine Monetary Economy*: с. 300—1450. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. XXII. 773 p., 32 Maps, 25 Tables, 26 Plates.

Книга «Исследование византийской монетной экономики» преподавателя Бирмингемского университета М. Ф. Хенди посвящена малоизученной стороне экономики Византии — истории ее денежного хозяйства. Ученый понимает тему исследования в широком плане — как взаимообусловленное развитие экономики империи, ее общественного строя, финансов и, наконец, монетной системы (р. 1—2). Отправной посылкой исследования служит тезис о тождестве в античности и средневековье монетной (*coinage*) и денежной систем, которые в те эпохи удовлетворяли прежде всего государственные потребности в налогообложении и покрытии издержек (р. 4, 13).

Исследование М. Ф. Хенди затрагивает разнообразные проблемы социально-экономической и политической истории Византии. Так, в первом разделе монографии «Экономика и общество» обобщены представления об экологии Балканского полуострова и Малой Азии, об уровне развития средневекового земледелия и скотоводства. Во второй главе «Очерк географии поселения и общества» (р. 69—154) автор анализирует размещение городских селений и феодальных поместий в XI—XII вв. Сосредоточение городских центров, населения и ресурсов сельскохозяйственного производства и на Балканах, и в Малой Азии прослеживается главным образом в приморских областях. Возникновение поместий магнатов в глу-

бинных местностях Анатолийского плато объясняется обширностью азиатских владений Византийской империи в пору ее расцвета (р. 131—132). В приморских областях близ городов, в первую очередь Константинополя, и крепостей, как на Балканах, так и в Малой Азии размещались владения чиновной аристократии; поместья, расположенные во внутренних областях Анатолии, принадлежали, как правило, представителям военной знати (р. 136—137).

Говоря о товарно-денежных отношениях, М. Ф. Хенди усматривает важнейший фактор их развития в противоречиях торгово-ремесленных слоев населения с государством и основными группами господствующего класса — военной знатью и провинциальными чиновниками, с одной стороны, сановниками и столичной чиновной бюрократией — с другой. Заметная роль столичного купечества и ремесленников во внутривизантийской жизни страны в XI в., по мнению ученого, доказывает их экономическое преуспеяние (р. 580). В дальнейшем их политическая роль оставалась ограниченной, а после 1203—1204 гг. окончательно исчерпала себя (р. 590). Изучение воздействия торговых капиталов итальянского купечества на внутреннее положение Византии побуждает М. Ф. Хенди искать причины ее экономического упадка не в торговом соперничестве с ее партнерами, а в собственной государственной структуре, со-

² См. об этом: *Медведев И. П.* Очерки византийской дипломатии: Частноправовой акт. Л., 1988. С. 15—16.